

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.11)*

УДК 101

А.И. Бобков*Иркутский государственный университет**г. Иркутск, Россия****Е.С. Иванченко****Восточно-Сибирский институт МВД России**г. Иркутск, Россия*

ies89@mail.ru

**ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА
В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ
ПРЕОДОЛЕНИЯ СКОНСТРУИРОВАННОЙ ЭТНОАРХАИКИ*****[Alexander I. Bobkov, Evgeny S. Ivanchenko*****Problem of terrorism ideology distribution****in social-philosophical discourse of overcoming the designed ethnoantiquity]**

It is considered the process of distribution of terrorism ideology in modern societies. The subject is the judgment of terrorism ideology in social philosophy through a prism of revival of ethnic subjectivity and the constructed ethnoantiquity resisting to it. The relevance of a research is caused by the fact that flashout of terrorist violence is connected to what processes of global domination try to legalize themselves by representation of ethnic subjectivity in the political field through making aggressive, terrorist action. Such representation shows not ethnic subjectivity of authentic character with its tendency to a limitedness, but the constructed ethnoantiquity concordant on the humiliated situation in a global pyramid. It is shown how the intellectuals of the politized sense watching from outside use a terrorism ideology phenomenon in the context of achievement of the higher situation in global hierarchy by discrediting foundations of traditional society. Along with it proofs that this discrediting is tightly connected to the low culture of philosophical thought and domination of quasireligious understanding of a social entity of religion that is two necessary conditions of effective distribution of ideology of terrorism are provided. The methodological basis of article was made by comparative-historical, dialectic and structurally functional methods of the analysis of social and ethnic reality. Besides based on phenomenological designation of ethnic subjectivity the possibility of lowering distribution of terrorism ideology by updating communication of philosophy and religion was revealed. It is drawn the conclusion that the absence of philosophical judgment of the constructed ethnoantiquity, a limitedness and quasireligiousness carries to the fact that the terrorism ideology as technology of an adoption of global domination will only increase, and updating of philosophical judgment of social life appears the considerable restraining factor of this distribution.

Key words: terrorism, ideology, ethnic subjectivity, limitedness, quasireligion, designed ethnoantiquity, weight, intellectuals, social philosophy, religion, politicization.

Анализу феномена терроризма на сегодняшний день посвящено много различных философских исследований. Позиции в них высказываются разные – от оценки его как особой идеологии до определения как объективного процесса, вызванного столкновением разных сценариев социокультурного развития человечества. Однако необходимо осознавать тот факт, что любая идеология отражает актуализацию тех идей, которые выдвигают авторитетные носители знания в качестве определения перспектив развития человечества и конкретных социокультурных общностей. Этот тезис может быть обоснован ссылкой на то, что в современном мире наряду с глобальным космополитизмом идет противоположный процесс поиска этнической идентичности. Этот процесс осуществляется в двух направлениях: с одной стороны, этническая субъектность, а с другой стороны, сконструированная этноархаика. А.С. Панарин в свое время отмечал, что определенная часть духовно-идеологической среды современных обществ оказавшихся объектами глобализации действует против актуализации этнической субъектности в пользу этноархаики. «Ее репрессивная бдительность направлена против любых проявлений здравого смысла народа, его культурно-исторической памяти и традиций» [9, с. 295].

Вообще соблазн сконструированной этноархаики заключается в том, чтобы части оставшиеся от демонтажа культурного ядра соединить вновь по типу общества симулякра. Для этого наиболее подходят этносы, утратившие духовную традицию и не знавшие мощного суверенного государства. Поэтому им и предлагается построить государство с заранее ослабленным суверенитетом и сконструированным агрессивным архаическим культурным ядром. Это скорее всего и используется, если следовать тезису С.Г. Кара-Мурзы, полагающему, что «механизм соединения людей в народ поддается рациональному анализу и изучению научными методами. Значит, могут быть созданы и эффективные технологии таких воздействий, которые приводят к поломкам этого механизма, его отказам или даже переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей» [5, с. 436].

В связи с этим возможно отметить тот факт, что гипотеза С.Г. Кара-Мурзы позволяет предположить, что дискредитация философского знания, обосновывающего этническую субъектность как альтернативу этноарха-

ики, необходима для того чтобы не могло возникнуть сомнения в объективности глобального порядка. Он должен быть признан единственным возможным сценарием развития социального бытия. Необходимо осознавать, что социально-философское осмысление этнической субъектности может остановить процессы демонтажа народов и запустить процессы иного социального развития. Современные идеологи глобального прогресса стремятся, с одной стороны, добиться понимания террористического акта как единственного, безальтернативного способа репрезентации сущности этнической субъектности, а с другой, – показать, что «подлинная» этническая идентичность ими предлагается в форме сконструированной этноархаики.

Определим, где начинается сконструированная этноархаика как основа распространения терроризма? Сконструированная этноархаика начинается там, где «человек досуга» побеждает «человека долга». Она репрезентирует этническое бытие как некое состояние постоянного праздника, но не того праздника, который необходим для нового труда, отдачи долга обществу (в нашем случае этносу-субъекту), а праздника для поддержания господствующего глобального порядка. Такой контекст уже был определен Р. Бартом следующим образом: «По отношению к чужим странам Порядок умеет поступать лишь двумя способами, которые оба связаны с искажением объекта: чужестранность либо признается в качестве гротескного спектакля, либо обезвреживается, представленная как простое отражение Запада. И в том и в другом случае главное – отнять у чужой страны ее историю» [1, с. 237].

Очевидность насильственного внедрения структур индивидуализированного общества, ведущая к осознанию духовного инобытия этнической субъектности, нуждается в искажении. Для этого и используется перенесение образа массового убийцы с человека, лишённого понимания этнической субъектности, на любого другого как наиболее близко стоящего к тому, чтобы связать этническую субъектность с религиозным опытом. Чтобы этого не допустить необходимо, с одной стороны, признать универсальность насилия, то есть его присутствие в любой социокультурной реальности, что вполне очевидно, если обратиться, скажем, к Э. Фромму, а с другой стороны, написать новую историю, где религиозный опыт заключается только в том, что постоянно устрашает неверных иноплеменников. Вроде бы все складывается удачно, кроме одного, – в истории идей устрашения нет религиозного опыта, а

есть политизированное предание. В нем «человек досуга» уходит от самого себя через насилие «над другим» и этот уход необходим глобализму. Как справедливо отмечал П.С. Гуревич: «Деструктивность – это нечто, рожденное мною самим. Нет никаких оснований предполагать, что я приговорен к разрушительности. Она результат моего выбора, моей экзистенциальности, моей активности» [3, с. 8].

Этот принцип подтверждается следующим заключением Б.В. Маркова: «В широком смысле террор – следствие нашего мышления, сформировавшегося на парадигме войны и покорения природы, а также технологии власти, опирающейся на насилие, ведущей к отчуждению людей. Страх перед новыми информационными технологиями, научно-техническими открытиями в области генетики и атома во многом вызван последствиями использования этих открытий людьми, мышление которых воспитано в традициях завоевания и покорения природных или человеческих ресурсов. Между тем, как современный многополярный мир, так и современная техника предполагают совсем другое мышление, основанное не на агрессии, а на мирном сосуществовании и сотрудничестве» [11, с. 91].

Сконструированная этноархаика в данном случае – это написание «священной истории» так, что носитель этнической субъектности в ней не понимает того, что терроризм – это нечто ему навязанное Другим, а не результат осмысления самобытности. Такое понимание истории религиозного опыта как основы этнической субъектности создает иллюзию того, что враг найден в лице тех, кому неведомо сакральное, и действие террористического характера создает справедливый порядок. Если задаться вопросом об авторе данной истории, то в контексте господствующих идей постмодерна он решается просто, его нет, он умер. Однако если быть последовательным сторонником того, что сконструированная этноархаика является необходимым способом преодоления полисубъектной социальности, необходимо в этом усомниться. Главный результат этого сомнения заключается в том, что освобожденная «личность досуга» подвергнута воздействию идеологии терроризма потому, что коллективные представления, ведущие к осознанию этнической субъектности, требуют большой социальной ответственности и поэтому имеют автора. Их же этноархаические симулякры легче выдаются за объективные закономерности социального бытия. Без автора нет ответственного.

Если задаться вопросом об осознании различия между причастностью, к идеологии терроризма сконструированной этноархаики и непричастности к ней этнической субъектности, то здесь необходимо отметить, что многие исследователи не проводят этого различия. Например, В.А Кутырев, полагает, что «Современный терроризм – вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, который ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать еще и духовные формы существования, ценностные способы регулирования социальных отношений. Это столкновение корабля прогрессистов как непрерывного инновационизма любой ценой с айсбергом консерватизма как стремления человечества к сохранению своей идентичности» [7].

Механизм же построения этноархаики А.С. Панарин определял как раз через технологическое воздействие западной культуры на остальной мир тоталитарными импульсами: «Иными словами, свои собственные тоталитарные импульсы, связанные с проектом всеобщей рационализации, западная культура, под влиянием цензуры демократического "сверх-я", вытесняет из сознания, проецирует на другие культуры и уже в качестве чужого зла подвергает нещадному бичеванию. Идеология либерализма (в особенности в современном американском варианте) и воплощает эти процедуры вытеснения и проекции "на другого". Сегодня эта идеология олицетворение догматического, внутренне недобросовестного сознания, прячущего от себя свои комплексы. Что же касается европейского критического интеллектуализма, представленного, в частности, французским постструктурализмом, то он выполняет роль коллективного психоаналитика Запада, высвечивающего комплексы этой цивилизации и доводящего их до ее самосознания, минуя рогадки психоаналитической (равно как и идеологической) цензуры» [10, с. 59].

Таким образом, сконструированная этноархаика выступает важнейшим фундаментом распространения идеологии терроризма в силу того, что ее сущность легко приводит к замещению конструктивной идеологии этнической субъектности деструктивной идеологией этнического самоубийства негуманного свойства, направляемой «извне».

Теперь необходимо проследить, как идеология терроризма выстраивается на основе этноархаического фундамента. Одна из сущностных характеристик идеологии заключается в том, что она должна распространяться, ибо если

она не распространена, она погибает. Философская категория распространения, как уже отмечалось, предполагает проникновение идей в инокультурную среду путем прекращения воображения традиционного и внедрение воображения футуристического. В нашем контексте речь идет об общественном идеале, воплощенном в конце истории. Такое отношение к истории кроется в стабилизирующем характере идеологии, обозначенном К. Мангеймом: «В понятии «идеология» отражается одно открытие, сделанное в ходе политической борьбы, а именно: мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве. В слове «идеология» имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества, как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [8, с. 39].

При этом неопит идеологии терроризма, со скрытым действительным состоянием общества, четко знает о том, что он «может быть избран» через насильственное действие, то есть остаться в конце истории воплощением идеи справедливого и разумного существа, наконец сотворившего общество без противоречий. Идея избранности, без понимания действительного положения дел в обществе, является основной идеей легитимирующей насилие. Для такого превращения необходимо провести с человеком массу технологических манипуляций, достигающих цели в определении единственного смысла жизни в политической борьбе. К сожалению, архаическая политизация мировоззрения этноархаизированной интеллигенции достигает максимума в странах, где исконной самобытности нанесена когнитивная травма, заключающаяся в констатации факта начала самостоятельного мышления в тотальной архаической политизации мировоззрения. В.Г. Федотова определяет данную политизацию следующим образом: «Терроризм представляется формой архаической политизации, при которой предельно упрощенная система координат «друг – враг» лишена всяких государственных и дипломатических начал и вызывает к древнему инстинкту мести, отчасти родовой мести, что и приводит к атакам против населения, ради воздействия через граждан и СМИ на правительства атакуемых стран для достижения рациональных политических целей» [12, с. 294].

Одним из травмирующих факторов является распространение некритически догматизированных и фундаменталистски поданных философских взглядов того или иного мыслителя как установившего окончание истории и формулу ее смысла. В контексте вспышки увлечения идеологией терроризма важным представляется то, что конкретной этнической общности и ее государственности в данной формуле нет места, кроме как через тотальное разрушение традиционного общества повсюду и построении доселе невиданной социальной системы. Механистическое понимание социального бытия во многом вызвано тем, что в контексте таких философских систем встречается сконструированная этноархаика. Основной сущностью которой выступает существование этноса в истории только как рабствующего объекта, не знающего свободы доселе. «Тем самым ценность переносится к концу истории. А до этого – никакого критерия, применимого для обоснования ценностного суждения. Нужно жить и действовать в зависимости от будущего» – отмечал А. Камю [4, с. 228.].

Если в России конструированием этноархаики, по мнению А. Камю, занимались «немецкие преподаватели», то в арабских странах этим уже занимаются реконструкторы религиозной истории через возвращение к агрессивному квазирелигиозному «исламу». И в том и в другом случае мы имеем дело с тем, что идеология терроризма выступает как некая фальсификация истории, направленная на понимание этноса как жертвы и не более того. Нигилизм и рождается тогда, когда в истории цивилизации этноса нет. Иначе говоря, не было места и свободе выражения этнической субъектности. Рекомендации в данном случае состоят и в том, чтобы отказаться от традиций, обосновав их отсутствие как историческую необходимость выхода из тупика и в том, чтобы ввести уже сфальсифицированные традиции как реальность построения нового общества. В общем, необходимо свергнуть старые святыни и воплотить новые все те же по духу, но соответствующие логике идеологии, заимствованной с Запада. Или утвердить новые «старые» святыни, незаконно свергнутые мыслительной традицией. И в том и в другом случае есть действие, но нет мысли. Примечательно, что в том и в другом случае мы сталкиваемся с квазирелигией, но в первом случае она обозначается революционной идеологией нигилизма, а во втором случае – «возрожденной подлинной религией».

Такая практика успешна тогда, когда в философии истории не наблюдается никаких важнейших процессов, кроме процессов распространения господства и рабства. Когда свобода одного покупается несвободой другого. Человек определяется и самоопределяется тогда, когда он господствует над кем-то и этот кто-то либо становится оружием возмездия, либо невольной жертвой, если сокрушается политическая структура традиционного общества.

Для того чтобы это произошло С.Г. Нечаев, по мнению А. Камю, настоятельно рекомендует не убивать тех представителей этнократии, которые увлекшись ростом своего господства за счет уничтожения лиминальных практик, наносят такой социальный вред, степень коего толкает молодое поколение в лоно перевернутого сознания истории утверждающего, что так было всегда. Некомпетентность управления, основанного на этноархаическом сознании, порождает тотальную политизацию, а это есть почва для распространения идеологии терроризма. Некомпетентность этнократии, приведенной к власти в результате утверждения сконструированной этноархаики в условиях кризиса социокультурной идентичности, порождает снижение социальной ответственности государства, вызывая к жизни устойчивое понимание его сущности как «узаконенного злодейства». Вполне возможно, что такое неверное определение сущности государства с его неприятием лиминальности и помощью некомпетентной в вопросах социальной солидарности этнократической элиты в продвижении по ступеням социальной иерархии, в силу широкого распространения приводит к тому, что носитель идеологии терроризма исключает понимание его объективной сущности. Как отмечает В.В. Ковалев: «можно с определенной долей уверенности сказать, что в настоящее время мы наблюдаем аксиологический идентификационный кризис элиты именно как ключевой этап морально духовного развития элиты в частности, и духовного развития общества в целом» [6, с. 84]

Подорванный в результате демонтажа этнической субъектности образ социального государства легко замещается его антиподом, государством полицейским. Тотальная подозрительность, основанная на том, что этноархаика не более чем симулякр волящего субъекта, ведет многих этнократов к тому, что пользуясь западными рецептами дисциплинарного воздействия на общество, они вызывают ненависть с его стороны таким образом, что иначе как через вооруженную борьбу с ним решить проблему обретения народного су-

веренитета невозможно. Ни для кого не секрет, что современные правовые, политические и экономические модели управления социальным развитием принимаются в интересах глобального менеджизма. Такое положение, по нашему мнению, становится возможным тогда, когда, на место идеологии научного управления процессом общественного развития приходит идеология, разрушающая этот процесс, идеология сконструированной этноархаики. Как отмечает В.М. Хачатурян: «В целом современная западная культура осваивает архаику, по преимуществу нейтрализуя или элиминируя наиболее опасные, неприемлемые, девиантные ее аспекты, пытается манипулировать ею и подчинять своим целям» [13, с. 90-91]. В контексте данного высказывания очевидным кажется то, что идеология терроризма является возможностью нейтрализации этнической субъектности как концептуальной основы для сопротивления «универсализму» индивидуализированного общества. Ведь этническая субъектность ведет к тому, что добиться торжества общины как социосозидающего начала можно только путем устранения политического насилия, упования на чиновника как на успешного законодателя. Между тем, маргинальная этнократия, уже не имеющая возможности стать «своею для своих», стремится к иерархизации той структуры, которая продолжает демонтаж этнической субъектности.

Идеология терроризма на основе этноархаики есть квазирелигиозная культура, которая стремится указать на то, что с падением традиционных запретов этнической субъектности все противоречия исчерпаны. Этнократия перестает обозначать публично объект своих притязаний. Притязаний – как выражения жажды господства над «манкуртом-рабом».

Из этого замечания следует, что наиболее эффективной технологией противостояния идеологии терроризма является признание последнего как одной из форм сконструированной этноархаики. Мы уже отмечали, что «Всякое естественное состояние социума предполагает успешную реконструкцию социального развития без присутствия некой чуждой силы. Оно есть причастность к открытию социальных закономерностей здесь и сейчас. Такое открытие позволяет совершить отказ от «данайских» даров, ибо выявляет смысл последних в качестве искажающих или замещающих социальные закономерности» [2, с. 76]. Терроризм же всегда обозначает эту чуждую силу как объект подрыва, ибо для него традиционная этническая культура это эк-

зотика по определению, не ведущая к самоактуализации самости, а скорее наоборот ведущая к природной объективации этноса не способного пережить состояние культурной травмы.

Подводя итоги, следует отметить, что феномен этноархаики как основа для распространения идеологии терроризма нуждается в дальнейшем исследовании. И не только в контексте столкновения цивилизаций, но и в контексте рассмотрения приспособления массовой культурой энергетики этнической идентичности для демонтажа сакрального социального. Невнимание к реальному положению дел с этнической субъектностью, тотальное определение врагов внутри и вне этноса, сконструированного по секулярному иноземному проекту, требует жертв теми, кто понимает, что неверно определенное «сакральное» этнической субъектности ведет к господству некомпетентной этнократии, репрезентирующей этническое бытие либо как праздник, либо как безумное символическое и физическое насилие.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Барт Р.* Мифологии. М., 2008.
2. *Бобков А.И.* Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394.
3. *Гуревич П.С.* Разрушительное в человеке как тайна // Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер с англ. Э.М. Телятниковой. М., 1994.
4. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. М., 2007.
6. *Ковалев В.В.* Аксиологический идентификационный кризис элиты как ключевой этап ее развития // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2.
7. *Кутырев В.А.* Идеиные причины современного терроризма в мире и России // Социодинамика. 2012. № 3. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.3.303. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_303.html
8. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
9. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М., 2006.
10. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

11. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: сб. ст.: материалы гуманит. форума / под ред. М.М. Решетникова. СПб., 2004.
12. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.
13. Хачатурян В.М. Человек в пространстве неоархаики // Человек, 2011. № 2.

R E F E R E N C E S

1. *Bart R.* Mythology. М., 2008.
2. *Bobkov A.I.* Social limiting and constructed ethno-archaic: the difference of meanings // Tomsk State University Bulletin. 2015. No 394.
3. *Gurevich P.S.* Destructive in man as a mystery // Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Trans. from English E.M. Telyatnikova. М., 1994.
4. *Camus A.* Rebellious man. Philosophy. Politics. Art. М., 1990.
5. *Kara-Murza S.G.* Demolition of the people. М., 2007.
6. *Kovalev V.V.* Axiological identification crisis of the elite as a key stage of its development // The Humanities and social sciences. 2011. No 2.
7. *Kutyrev V.A.* Ideological causes of modern terrorism in the world and Russia // Socio-dynamics. 2012. No. 3. DOI: 10.7256 / 2306-0158.2012.3.303. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_303.html
8. *Mannheim K.* The diagnosis of our time. М., 1994.
9. *Panarin A.S.* People without elite. М., 2006.
10. *Panarin A.S.* Orthodox civilization in the global world. М., 2002.
11. Psychology and psychopathology of terrorism. Humanitarian anti-terror strategies: selection of articles: materials of the Humanity Forum / ed. М.М. Reshetnikova. SPb., 2004.
12. *Fedotov V.G.* Good society. М., 2005.
13. *Khachaturian V.M.* Man in the space of neo-archaic // Man, 2011. No 2.

25 сентября 2018 г.
